

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю 5

Часть I. Здоровье и патология

1. К гуманистической биологии 9
2. Невроз как неудача личностного роста 36
3. Самоактуализация и ее предпосылки 54

Часть II. Творчество

4. Творческая установка 68
5. Целостный подход к творчеству 84
6. Эмоциональные помехи творчеству 94
7. Потребность в творческих людях 111

Часть III. Ценности

8. Слияние фактов и ценностей 117
9. Заметки по психологии Бытия 143
10. Комментарии к симпозиуму
о человеческих ценностях 173

Часть IV. Образование

11. Познающий и познаваемое 177
12. Образование и пиковые переживания 193
13. Цели и результаты гуманистического
образования 206

Часть V. Общество

14. Синергия в обществе и в индивидуе 225

15. Вопросы для нормативного социального психолога	240
16. Синанон и Эвпсихия	257
17. Об эвпсихическом управлении	269
18. О низких жалобах, высоких жалобах и метажалобах	272

Часть VI. Бытийное познание

19. Заметки о невинном познании	283
20. Новые заметки о познании	292

Часть VII. Трансценденция и психология Бытия

21. Различные смыслы трансценденции	299
22. Теория Z	312

Часть VIII. Метамотивация

23. Теория метамотивации: биологические корни ценностной жизни	332
---	-----

Литература	383
------------------	-----

<i>Гобл Ф.</i> Третья сила (главы из книги)	392
---	-----

<i>Гейгер Г.</i> Об Абрахаме Маслоу и его последних работах	464
--	-----

Примечания	471
------------------	-----

Предметный указатель	479
----------------------------	-----

Указатель имен	491
----------------------	-----

К ЧИТАТЕЛЮ

В ряду достижений человеческого духа, обогащающих мировую науку и культуру, заметное место занимает гуманистическая психология, сформировавшаяся в США и получившая признание во всем мире в последней трети XX в. Не отказываясь от использования результатов, полученных в рамках таких наиболее влиятельных в первой половине столетия направлений, как фрейдизм и бихевиоризм, психологи-гуманисты в то же время провозгласили приоритетную направленность на изучение человеческого в человеке — его высших, сущностных, специфически человеческих проявлений. Они отбросили свойственное этим направлениям преувеличение роли низших влечений или внешних воздействий в поведении и психическом развитии человека. В противовес этому гуманистическая психология подчеркивает значение собственной творческой активности субъекта и исследует условия, способствующие ее развертыванию. Интенсивный теоретический поиск, направленный на выработку нового образа человека, новой концепции человеческой личности, органически сочетается у психологов-гуманистов с оказанием конкретной помощи людям путем консультирования, психотерапии, усовершенствования деятельности в области образования, менеджмента, профилактики антиобщественного поведения и т.д. Для гражданской позиции психологов-гуманистов характерны отрицание тоталитаризма, национальной и классовой ограниченности, ориентация на усовершенствование общества через усовершенствование отдельных

людей и наоборот — улучшение людей через создание благоприятных условий для их развития. Тем самым психологам-гуманистам лучше других удалось избежать крайностей в ответе на этот вопрос, когда слишком большие надежды в достижении высот личностного развития возлагают то на переустройство общества (что характерно для марксистов), то на нравственное самоусовершенствование (что типично для религиозного мировоззрения). С точки зрения гуманистической психологии, гуманизация социальных институтов и личностный рост — это процессы, взаимно обуславливающие друг друга.

К числу основателей и ярчайших представителей гуманистической психологии принадлежит Абрахам Харольд Маслоу (1908—1970). Выходец из семьи бедных еврейских эмигрантов из Киева, он стал одним из виднейших психологов Соединенных Штатов и мира. Начав с исследований социального поведения приматов, Маслоу довольно быстро переключился на человека, поместив в центр своих исследований предмет, которому психологи ранее не уделяли должного внимания, а именно здоровую, сильную личность, которая «самоактуализируется», наиболее полно раскрывая свои потенциальные возможности. Хотя, определяя качества такой личности, Маслоу ориентировался преимущественно на людей, достигших успеха в той или иной сфере творческой деятельности, он исходил из того, что путь самоактуализации в принципе открыт любому человеку и надо стремиться к созданию внешних и внутренних условий, которые сделают реальным движение в этом направлении. Значительное внимание Маслоу уделял проблемам образования, воспитания, профессиональной ориентации, выяснению способов стимулирования процессов самоактуализации развивающейся личности.

Маслоу не очень сильно заботился о стопроцентной научной строгости и доказательности эмпирических данных, которыми он подкреплял свои теоретические рассуждения. Он был прежде всего теоретиком-новатором, видевшим новые перспективы психологической науки и разворачивавшим эти перспективы перед психологами. Он смотрел в завтрашний день психологии, ее, выражаясь словами Л.С. Выготского,

«зону ближайшего развития», и поэтому его книги, вышедшие тридцать и более лет назад, сохранили свою актуальность и их блеск не померк — Маслоу не устарел, он по-прежнему впереди.

Но Маслоу был не просто теоретиком, но идеологом, идейным лидером гуманистически мыслящих психологов Запада. Именно вокруг него в первую очередь сплотился тот кружок, который вырос через некоторое время в Американскую ассоциацию за гуманистическую психологию, а она, в свою очередь, — в мощное социальное движение. Недаром гуманистическую психологию прозвали «Третьей силой», понимая под первыми двумя бихевиоризм и психоанализ. Избрание Маслоу в 1968 г. президентом Американской психологической ассоциации означало окончательное признание влияния этой силы.

«Новые рубежи человеческой природы» — последняя, наиболее новаторская и смелая книга Маслоу. Эта книга полна идей, важных как для профессиональной деятельности педагога, психолога-практика, руководителя на производстве (вообще всякого, кто работает с людьми), так и для решения личных проблем, стоящих перед каждым человеком. Педагогов, несомненно, заинтересует развиваемая Маслоу идея «идеального колледжа» — учреждения, помогающего личности найти себя; профессиональное самоопределение трактуется при этом как производное от личностного. Не менее важны мысли Маслоу, касающиеся психологических механизмов творчества и психологических препятствий, мешающих ему развернуться, а также обеспечения синергии (гармоничного разрешения противоречий) на индивидуальном и социальном уровне. С воодушевлением описывает Маслоу самоактуализирующихся личностей высшего уровня, достигающих трансценденции (преодоления) противоречий, терзающих большинство людей (например, дихотомии эгоизма и альтруизма). Блестательная теория метамотивации впервые в психологии вводит в круг психологических детерминант поведения зрелой личности высшие ценности, не редуцируя их к чему-то более примитивному.

В настоящее издание включены также в качестве приложения сокращенные переводы глав из научно-популяр-

ной книги Ф. Гобла «Третья сила: Психология Абрахама Маслоу» (ее рукопись получила одобрительную оценку самого Маслоу). Читатель познакомится в них с местом гуманистической психологии среди наиболее влиятельных психологических школ; с сущностью разработанной Маслоу теории мотивации, явившейся его важнейшим вкладом в психологическую науку; с фундаментальными для концепции Маслоу понятиями о пиковых переживаниях, о психологическом (личностном) росте, о самоактуализации личности; с применением принципов гуманистической психологии в педагогической области, а также в сфере бизнеса.

Вовсе не обязательно во всем соглашаться с Маслоу. Ему можно поставить в упрек, например, ориентацию на чересчур «розовый» образ человека, недостаточное (в противовес чрезмерному в психоанализе) внимание к противоречиям, дисгармониям, пограничным с патологией состоянием, характерным, как известно, для многих творческих, в том числе выдающихся, личностей. С Маслоу можно (а кое в чем, вероятно, и нужно) спорить. Вместе с тем — не говоря уже о научной и общественной значимости полученных им результатов — при чтении его книг нельзя не поддаться обаянию этого человека, сочетавшего мудрость мыслителя с поистине юношеской увлеченностью избранным делом. Но ведь и дело того стоит: речь идет ни мало ни много о научных основах достижения самой благородной цели — максимального раскрытия творческих возможностей каждой человеческой личности.

А. Киричук,

*действительный член Академии педагогических наук
Украины,*

Г. Балл,

доктор психологических наук,

Д. Леонтьев,

доктор психологических наук.

Часть I.

ЗДОРОВЬЕ И ПАТОЛОГИЯ

1. К ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ БИОЛОГИИ¹

Мои искания в психологии заставляли меня двигаться во всевозможных направлениях. Некоторые из них выходили за пределы обычной психологии — по крайней мере, в том ее понимании, какому я был обучен.

В тридцатые годы, заинтересовавшись определенными психологическими проблемами, я обнаружил, что их нельзя разрешить или успешно разрабатывать в рамках классической для того времени науки (бихевиористской, позитивистской, естественно-научной — свободной от ценностей, механистической психологии). Чтобы найти ответ на возникавшие у меня закономерные вопросы, потребовалось изобрести другой подход к психологическим проблемам. Постепенно этот подход превратился в общую философию психологии и науки вообще, религии, труда, менеджмента, а теперь и биологии. По сути он стал мировоззрением.

Психология сегодня, в сущности, разорвана и расколота на три (или больше) отдельных науки, не сообщающиеся между собой, поделенные между отдельными группами уче-

¹ В основу данной главы положены заметки, составленные в марте—апреле 1968 г. по просьбе директора Солковского института биологических исследований (Salk Institute of Biological studies). Я надеялся при этом, что они смогут помочь в движении от лишенного ценностей технологизирования к гуманистически ориентированной философии биологии. Оставляя в стороне все очевидные пограничные вопросы биологии, я сосредоточился на том, чем, как мне кажется, пренебрегают или что неправильно толкуют — если рассматривать все это со специфической позиции психолога.

ных. Первая — это бихевиористская, объективистская, механистическая, позитивистская группа. Вторая — это целый «куст» психологий, берущих начало от З. Фрейда и психоанализа. И третья — это гуманистические направления, или «третья сила», как называли эту группу, предлагающую единую философию, способную сплотить разбросанные доселе группы. Именно об этой третьей психологии я и хочу говорить. Исходя из того, что эта третья психология включает в себя первую и вторую, я «изобрел» слова «эпи-бихевиористская» и «эпи-фрейдистская» (греческое «эпи» означает «над»). Такой подход позволяет также избежать характерной для студентов дихотомической ориентации, когда надо, например, быть либо «за Фрейда», либо «против Фрейда». Лично я и фрейдист, и бихевиорист, и гуманист, и к тому же еще разрабатываю то, что может быть названо четвертой психологией — психологией трансценденции.

Я говорю здесь от своего собственного имени. Даже некоторые из представителей гуманистической психологии склонны видеть себя *в оппозиции* бихевиоризму и психоанализу, вместо того, чтобы включать эти направления психологии в более широкую структуру. Полагаю, что в своем увлечении непосредственным опытом, переживанием такие психологи балансируют где-то на грани антинаучного и даже антирационального. Однако поскольку я считаю, что переживание — это только начало знания (необходимое, но не достаточное), и возлагаю единственную и последнюю надежду на совершенствование знания, то есть на существенное расширение науки, то *предпочитаю* говорить только от себя. Я лично избрал для себя путь «свободного размышления», теоретизирования, игры предчувствий и интуиции и, вообще, попыток предвидеть будущее — именно этим преимущественно занимаются первопроходцы, разведчики, новаторы в отличие от тех, кто должен применять, оценивать, проверять, подтверждать. Конечно, именно эти последние виды деятельности составляют становой хребет науки. И все же было бы большой ошибкой, если бы ученые видели свою задачу *лишь только* в проверке и подтверждении.

Первопроходец, творец, исследователь неведомого — это обычно не группа, а человек, в одиночку борющийся со сво-

ими внутренними конфликтами, страхами, психологическими защитами от высокомерия и гордости, даже от паранойи. Он должен обладать мужеством, не бояться «высовываться», даже не бояться делать ошибки, хорошо сознавая, что он, по словам М. Полани, азартный игрок, выступающий с утверждениями в отсутствие фактов и затем тратящий годы, выясняя, были ли верны его предчувствия. Если он обладает хоть каким-то здравым смыслом, то, конечно, пугается своих собственных идей, своей безрассудной отваги и хорошо сознает, что утверждает то, что не может доказать.

Именно в этом смысле я высказываю здесь свои личные интуитивные решения и утверждения.

Полагаю, что от проблемы нормативной биологии нельзя уйти, хотя при этом и ставится под вопрос вся история и философия западной науки. Я убежден, что свободная от ценностей, ценностно нейтральная, избегающая ценностей модель науки, унаследованная нами от физики, химии и астрономии, где было необходимо обеспечить чистоту данных и одновременно отстранить церковь от научных дел, совершенно не подходит для изучения жизни. Еще более драматичной оказывается неприспособленность науки для выяснения вопросов, касающихся человека, где учет личностных ценностей и целей, намерений и планов играет решающую роль в понимании людей даже применительно к классическим целям науки — предсказанию и управлению.

В области эволюционной теории не утихают ожесточенные споры по поводу направленности, целей, телеологии, витализма, финальных причин и т.п. Мне представляется, что в этих спорах много путаницы. Вместе с тем хочу отметить, что обсуждение тех же проблем на уровне психологии человека позволяет высказаться более ясно и определенно.

Можно отстаивать ту или иную точку зрения в споре по поводу аутогенезиса в эволюции или того, может ли ее направление определяться сочетанием чистых случайностей. Но такая роскошь уже невозможна, когда мы имеем дело с человеческими индивидами. Абсолютно невозможно утверждать, что человек становится хорошим врачом по чистой случайности: в наше время подобные представления перестали принимать всерьез. Что касается меня, то я ушел от подобно-

го рода дебатов по поводу механического детерминизма, не считая нужным даже вступать в спор.

«Хорошие экземпляры» и «статистика растущей верхушки»

Я предлагаю для обсуждения и, возможно, для проведения исследований использование отобранных «хороших экземпляров» (можно сказать, «экземпляров высшего качества») как биологических образцов для изучения наивысших возможностей, которыми обладает человеческий род. Приведу несколько примеров. В ходе исследований обнаружилось, что самоактуализирующиеся люди (то есть психологически здоровые, психологически «наилучшие») лучше воспринимают и познают. Это может проявиться даже на сенсорном уровне; например, меня бы не удивило, если бы оказалось, что они тоньше различают цветовые оттенки и т.п. Неоконченный эксперимент, который я однажды организовал, мог бы служить моделью для этого типа экспериментирования по принципу «биологических образцов». План состоял в том, чтобы полностью протестировать всех студентов, зачисленных на новый поток в Брэндейский университет, используя при этом наилучшие доступные в то время методики, в том числе психиатрические интервью, проективные тесты, тесты успешности (performance) и т.д.; затем предполагалось отобрать 2% выборки наиболее здоровых в психологическом отношении, 2% — наименее здоровых и 2% — «средних». Планировалось предложить этим трем группам батарею, содержащую около 20 сенсорных, перцептивных и когнитивных методик для того, чтобы проверить вывод, полученный ранее клиническим персонологическим путем, а именно: более здоровые психологически люди демонстрируют также лучшее восприятие реальности. Я предполагал, что эта идея получит подтверждение. Мой план предусматривал, что наблюдение за отобранными людьми не ограничится четырьмя годами учебы в колледже (где я мог бы сопоставить начальный рейтинг, сделанный на основе тестов, с фактической успешностью учебы и достижениями в разных областях университетской жизни). Полезным казалось организовать лон-

гитюдное исследование, которое проводилось бы лонгитюдно организованной исследовательской бригадой, чье существование не ограничивалось сроком жизни одного поколения. Идея состояла в поиске окончательного подтверждения наших представлений о психологическом здоровье путем исследований членов группы на протяжении всего их жизненного пути. Некоторые вопросы были на поверхности, например, долголетие, сопротивляемость психосоматическим расстройствам, инфекциям и т.д. Мы ожидали также, что осуществление программы позволит обнаружить характеристики, которые нельзя было предсказать. По своему духу это исследование было подобно тому, которое провел Льюис Термен около 40 лет назад, когда он отобрал в Калифорнии детей с высоким коэффициентом интеллекта и затем тестировал их многими способами, причем это осуществлялось на протяжении последующих десятилетий вплоть до настоящего времени. Его общий вывод состоял в том, что дети, отобранные на основании превосходства в интеллекте, превосходят остальных и во всем прочем. Важнейшее обобщение, с которым связано имя Л. Термена, — это то, что все позитивные качества человека положительно коррелируют между собой.

Описываемый тип исследовательского проекта означает сдвиг в наших представлениях о статистике и особенно о теории выборок. Я открыто отстаиваю здесь подход, который я называю «статистикой растущей верхушки»; это название отражает тот факт, что именно в растущей верхушке растения более всего проявляется процесс его развития.

Если я задаю вопрос: «Что могут люди?», — то отношу его к маленькой избранной группе носителей высших достижений, а не ко всему населению. Основную причину того, что гедонистические теории ценностей и соответствующие этические теории оказывались на протяжении всей истории в проигрыше, я вижу в том, что философы смешивали вместе удовольствия, порожденные патологическими мотивами, и удовольствия, порожденные здоровыми мотивами; в получившемся «среднем» уже нельзя было различить больных и здоровых, хороших и плохих, биологически сильных и биологически слабых индивидов, тех, кто делает хороший выбор, и тех, кто делает плохой.

Если мы хотим ответить на вопрос, насколько может вырасти человек, то обязательно надо найти людей, которые уже выше других, и изучить их. Если мы хотим знать, насколько быстро может бежать человек, то незачем усреднять скорость индивидов, составляющих «хорошую выборку» из человеческой популяции; гораздо лучше собрать олимпийских чемпионов и посмотреть, как они могут бегать. Если же мы хотим выяснить имеющиеся у человека возможности духовного роста, ценностного или нравственного развития, то я считаю, что мы можем узнать это лучше всего, изучая наиболее нравственных, наиболее приближающихся к идеалу святости людей.

В целом, я думаю, правильно будет сказать, что человеческая история — это хроника попыток подрыва авторитета человеческой природы. Ее наивысшие возможности практически всегда недооценивались. Даже в тех случаях, когда «хорошие экземпляры» — святые, мудрецы, великие лидеры — были доступны для изучения, слишком часто срабатывало искушение приписывать их достижения не человеческой природе, а сверхъестественному дару, которым они наделены.

Гуманистическая биология и хорошее общество

Сегодня вполне ясно, что актуализация наивысших человеческих потенций возможна — в массовом масштабе — только при «хороших условиях». Или, попросту говоря, хорошим человеческим экземплярам требуется обычно хорошее общество для своего роста. Соответственно, я думаю, должно быть ясно, что нормативная философия биологии должна включать теорию хорошего общества, определенно согласно принципу: «Хорошо то общество, которое благоприятствует наиболее полному развитию человеческих потенций, наиболее полной степени человечности». Видимо, это может слегка испугать классического биолога описательного склада: ведь он привык избегать таких слов, как «хороший» и «плохой». Но, немного подумав, обнаруживаешь, что нечто в этом роде уже считается само собой разумеющим-

ся в некоторых классических областях биологии. Например, общепринято, что гены можно считать «потенциями», которые актуализируются или нет в зависимости от того, что их окружает в самой зародышевой плазме, в цитоплазме, во всем организме и в географической среде, где находится организм.

Обратившись к одной из линий экспериментирования (она описана в статье о химической и анатомической пластичности мозга, опубликованной в 1964 г. в журнале «Science»), мы можем утверждать (применительно к белым крысам, обезьянам и людям), что стимулирующее окружение на ранних этапах жизни индивида оказывает на развитие коры головного мозга особое влияние в том направлении, которое мы обычно называем желательным. Исследования поведения приматов в лаборатории Г. Харлоу ведут к тому же выводу. Изолированные животные утрачивают ряд способностей, и существует момент, после которого такие потери часто оказываются необратимыми. Можно привести и такой пример: в лабораториях Джексона в Бар-Харборе было установлено, что собаки, которым разрешают свободно, не вступая в контакт с людьми, бегать стаями на обширной территории, теряют способность к одомашниванию.

Наконец, если дети в Индии, как сейчас пишут, страдают от необратимых поражений мозга, вызванных недостатком белка в их питании, и если согласиться с тем, что политическая система Индии, ее история, экономика и культура сыграли свою роль в том, что эта нищета имеет место, — то ясно, что человеческие экземпляры нуждаются в хорошем обществе, которое позволило бы им актуализировать себя в качестве хороших экземпляров.

Можно ли представить себе философию биологии развивающейся в социальной изоляции? Может ли она быть политически совершенно нейтральной, не быть утопической или эвпсихической, реформистской или революционной? Я не считаю, конечно, что задача биолога требует перехода к социальным действиям. Я полагаю, что это дело личного вкуса, и я знаю некоторых биологов, которые, досадуя, что их знания остаются невостребованными, берутся за политическую реализацию своих открытий. Но, помимо всего этого,

мое непосредственное предложение биологам состоит в том, чтобы они признали: если они приняли нормативный подход к человеку или другим биологическим видам, иначе говоря, если они считают своей обязанностью развитие хороших экземпляров, то в равной мере их научным долгом становится изучение тех условий, которые приводят к развитию хорошего экземпляра, а также тех, которые тормозят такое развитие. Само собой разумеется, это означает выход из лаборатории в общество.

«Хороший экземпляр» выбирает пути для всех

В ходе своих длительных исследований, начавшихся еще в тридцатые годы, я убедился в том, что наиболее здоровые в психологическом плане люди (или наиболее творческие, или наиболее сильные, или наиболее мудрые, или наиболее близкие к идеалу святости) могут играть роль биологических образцов (или, можно сказать, передовых разведчиков, или высокочувствительных индикаторов) и сообщать нам, менее чувствительным, что на самом деле для нас ценно. Я имею в виду примерно следующее. Достаточно легко, скажем, отобрать людей, весьма чувствительных к цветам и формам, а затем положиться на их суждения по поводу цветов, форм, тканей, мебели и т.п. и научиться следовать этим суждениям. Мой опыт говорит о том, что, если я и не буду докучать тем, кто обладает более совершенным восприятием, я все же могу уверенно предсказать: то, что нравится им уже сейчас, я постепенно, может быть, через месяц или два, тоже оценю. Это как если бы они были мною, но только более чувствительным или в меньшей мере подверженным сомнениям, смущению и неуверенности. Я могу использовать их, так сказать, в качестве своих экспертов — подобно тому как коллекционеры произведений искусства нанимают экспертов-искусствоведов, чтобы те помогли им в покупках. (Эту уверенность поддержала появившаяся в 1968 г. в журнале «Психология сегодня» («Psychology Today») статья, автор которой — И. Чайлд (*Child*, 1968) — показывает, что опытные и квалифицированные художники имеют сходные

вкусы, причем вне зависимости от их культурной принадлежности.) Предполагаю также, что те высокочувствительные индивиды, о которых я говорю, меньше подвержены колебаниям моды, чем среднестатистические люди.

Аналогичным образом обнаружилось, что если отобрать психологически здоровых людей, мы увидим: то, что им нравится сейчас, *станет* нравиться среднестатистическим людям позже. Аристотель ясно выразился: хорошо *на самом деле* то, что считает хорошим достойный человек.

К примеру, эмпирически установленной характеристикой самоактуализирующихся людей является то, что они испытывают гораздо меньше сомнений в отношении правильного и неправильного, чем среднестатистические люди. Их не смущает, если 95% населения не согласны с ними. И можно добавить, что, по крайней мере в изученной мною группе, ее члены проявляют тенденцию к согласию по поводу того, что правильно и что неправильно, как если бы воспринимали некую сверхчеловеческую реальность, а не сравнивали субъективные и относительные вкусы. Словом, используя их как «оценщиков ценностей», я научился у них тому, что такое высшие ценности. Или, иначе говоря, я научился вот чему: то, что ценят великие люди, я, вероятно, признаю, стану ценить, воспринимать как ценное в некотором внеличном смысле и это, вероятно, найдет подтверждение в «данных».

Моя теория метамотивации (см. главу 23) в конечном счете основана на следующей операции: были взяты люди, достигшие высшего уровня, в том числе в восприятии не только фактов, но и ценностей, и затем выбранные ими высшие ценности рассматривались как возможные высшие ценности всего человеческого рода.

Почти намеренно я занимаю здесь провоцирующую позицию. При желании я мог бы высказаться гораздо более невинным образом, попросту задавая вопросы: «Если вы отберете психологически здоровых индивидов, то что они предпочтут? Что будет мотивировать их? За что они будут бороться? Что они будут ценить?». Но я предпочитаю здесь идти напролом. Я намеренно ставлю перед биологами (так же, как перед психологами и учеными в области социальных наук) вопросы, касающиеся нормативности и ценностей.

Вероятно, полезно выразить то же самое несколько иначе. Если (как это, по-моему, было в достаточной мере показано) человек представляет собой выбирающее, решающее, ищущее животное, то вопрос об осуществлении выборов и принятии решений неизбежно должен затрагиваться при любой попытке дать определение человеку как биологическому виду. Но осуществление выборов и принятие решений различаются по своему качеству, мудрости, эффективности. Тогда спрашивается: кто выбирает хорошо? Откуда он приходит? Какова история его жизни? Можем ли мы обучать этому умению? Что мешает этому? Что помогает этому?

Это, конечно, попросту новые формы старых философских вопросов: «Кто такой мудрец? Что он представляет собой?». А также — старых аксиологических вопросов: «Что есть хорошее? Что есть желательное? *Что должно желать?*».

Я хочу еще раз обратить внимание на то, что в нашей биологической истории мы пришли к такому моменту, когда должны принять на себя ответственность за свою собственную эволюцию. Мы стали «самоеволюционирующими». Эволюция предполагает отбор, а следовательно, выбор и принятие решений; это, в свою очередь, предполагает оценивание.

Соотношение души и тела

Мне кажется, что мы находимся перед новым скачком в установлении связи субъективной жизни с внешними объективными показателями. Существующие новые показатели позволяют ожидать громадного скачка вперед в изучении нервной системы.

Чтобы объяснить эти ожидания и подготовку к будущим исследованиям, достаточно двух примеров. В одном из исследований, ныне широко известном, Дж. Олдс (*Olds*, 1955) обнаружил с помощью электродов, вживленных в септальную область головного мозга, что там находится настоящий «центр удовольствия». Когда для белой крысы были организованы такие условия, что она могла стимулировать свой мозг через эти электроды, она повторяла самостимуляцию вновь и вновь — пока электроды находились в этом центре удовольствия. Нет необходимости добавлять, что зоны не-

приятных ощущений или боли также были открыты и что при подсоединении электродов к ним животное, получив возможность стимулировать себя, отказывалось делать это. Что же касается стимуляции центра удовольствия, то она явно была настолько «ценной» (или желательной, или подкрепляющей, или вознаграждающей, или доставляющей удовольствие — можно найти и другие слова для описания этой ситуации), что животное отказывалось от любого из известных реальных внешних удовольствий — от пищи, от секса, от всего что угодно. У нас сейчас достаточно параллельных данных, касающихся человека, чтобы предположить наличие у него субъективных переживаний удовольствия, которые могут быть получены таким же образом. Работы в этом направлении только начались, но уже удалось разграничить различные «центры» такого рода. Выделены центры сна, пищевого насыщения, сексуальной стимуляции и сексуального насыщения и т.д.

Если мы объединим этот тип исследования с другим, например с представленным в работе Дж. Камия (*Kamiya*, 1968), то откроются новые возможности. Дж. Камия, работая с электроэнцефалограммой (ЭЭГ) и оперантным обусловливанием, давал испытуемому сигнал визуальной обратной связи, когда частота альфа-ритма в его ЭЭГ достигала определенного значения. При этом, благодаря тому, что испытуемым была предоставлена возможность соотносить внешнее событие или сигнал с субъективно ощущаемым состоянием, они смогли произвольно управлять своей ЭЭГ. Дж. Камия показал, что человек способен приводить частоту своих альфа-волн к определенному желательному уровню.

Плодотворной и вдохновляющей в данном случае является закономерность, открытая совершенно случайно: приведение частоты альфа-волн к определенному уровню может формировать у испытуемого состояние безмятежности, созерцательности, даже счастья. Некоторые дальнейшие исследования, проведенные с людьми, овладевшими восточными методиками созерцания и медитации, показывают, что они спонтанно порождают электроэнцефалограммы, подобные тем «безмятежным» ЭЭГ, которым Дж. Камия сумел обучить своих испытуемых. Иначе говоря, уже есть возмож-

ность обучать людей испытывать счастье и безмятежность. Революционные последствия этого — не только для совершенствования людей, но также для биологической и психологической теории — многочисленны и очевидны. Имеется достаточно исследовательских проектов, чтобы занять на ближайшее столетие легионы ученых. В конце концов, проблема соотношения психики (или души) и тела, до сего времени считавшаяся неразрешимой, становится теперь предметом конкретной работы.

Данные, подобные вышеприведенным, имеют решающее значение для проблемы нормативной биологии. Очевидно, теперь можно сказать, что здоровый организм сам дает ясные и громкие сигналы относительно того, что он, организм, предпочитает, или выбирает, или признает желательным положением дел. Будет ли слишком большой натяжкой назвать это «ценностями»? Внутренними, в биологическом смысле, ценностями? Инстинктоподобными ценностями? Если мы высказываем описательное утверждение: «Лабораторная крыса, когда ей предоставлен выбор между нажатием двух кнопок, обеспечивающих самостимулирование, практически все время нажимает кнопку, связанную с центром удовольствия, предпочитая ее любой другой кнопке, вызывающей появление стимулов или обеспечивающих самостимулирование», — то отличается ли это утверждение чем-то существенным от фразы: «Крыса предпочитает самостимулирование своего центра удовольствия»?

Я должен сказать, что для меня неважно, пользуюсь я словом «ценности» или нет. Можно, конечно, описать все, что я описал, не употребляя этого слова. Возможно, в плане научной стратегии или, по меньшей мере, стратегии общения между учеными и общественностью, было бы более дипломатично *не* вносить путаницы разговорами о ценностях. По сути, я считаю это несущественным. Важно, однако, принять всерьез новые успехи психологии и биологии в изучении выборов, предпочтений, подкреплений, вознаграждений и т.д.

Необходимо отметить также, что в исследованиях и теоретизировании подобного типа мы сталкиваемся с логическим кругом. Он наиболее очевиден применительно к человеку, но я предполагаю, что эта проблема возникнет и при ис-

следовании животных. Речь идет о замкнутом круге, заключенном в высказываниях типа: «Хороший экземпляр или здоровое животное выбирает или предпочитает то-то и то-то». Что нам делать с тем фактом, что садисты, извращенцы, мазохисты, гомосексуалисты, невротики, психотики, самоубийцы осуществляют другие выборы, чем «здоровые люди»? Не сопоставить ли эту дилемму с тем, что лабораторные животные с удаленными надпочечниками осуществляют иные выборы, чем так называемые «нормальные» животные? Хотелось бы пояснить, что я не считаю эту проблему неразрешимой, думаю лишь, что ее надо учитывать и решать, а не избегать или игнорировать. Среди людей очень легко отобрать «здоровых» лиц с помощью психиатрических и психологических тестов, а *затем* показать, что люди, получившие такой-то и такой-то результат, скажем, по тесту Роршаха или по тесту интеллекта, будут осуществлять и хорошие выборы пищи в кафетериях. Критерий отбора, таким образом, существенно отличается от поведенческого. Вполне возможно также и, с моей точки зрения, весьма вероятно, что с помощью неврологического самостимулирования можно будет показать, что так называемые «удовольствия» извращений, или убийства, или садизма, или фетишизма — это не «удовольствия» в том смысле, с которым мы встречаемся в экспериментах Дж. Олдса или Дж. Камия. Собственно, мы уже знаем это, пользуясь своими субъективными психиатрическими методиками. Любой опытный психотерапевт раньше или позже приходит к пониманию того, что за невротическим «удовольствием» или извращениями в действительности стоит очень много страданий, боли и страха. В плане самой субъективной реальности мы знаем об этом от людей, испытавших как нездоровые, так и здоровые удовольствия. Они практически всегда говорят, что предпочитают последние и готовы содрогнуться, вспоминая первые. К. Уилсон (*Wilson, 1963*) ясно показал, что лица, совершающие половые преступления, обладают вовсе не сильными сексуальными реакциями, а весьма слабыми. Л. Киркендэл в книге «Добрачные связи и межличностные отношения» (*Kirkendall, 1961*) также показывает субъективное превосходство секса, сопряженного с любовью, над сексом без любви.

Я сейчас работаю над одной группой следствий, вытекающих из гуманистически-психологической точки зрения, которая очерчена выше. Эта работа может послужить и прояснению радикальных следствий гуманистической философии биологии. Определенно можно сказать, что рассматриваемый подход (вместе с данными, на которые он опирается) говорит в пользу саморегуляции, самоуправления, автономного выбора организма. Организм в большей мере, чем предполагали столетие назад, обладает тенденцией к выбору здоровья, роста, биологического успеха. Учет этого приводит в общем к антиавторитарной, направленной против внешнего контроля позиции. Для меня это означает возврат к серьезному рассмотрению даосистской позиции не только в том виде, в котором она выражена в современных экологических и этологических исследованиях, научивших нас не вмешиваться и не управлять. Применительно к человеку эта позиция требует также больше доверять внутренним импульсам ребенка к психологическому росту и самоактуализации, что означает больший акцент на спонтанность и автономию, чем на предсказания и внешнее управление. Перефразируя главное положение моей книги «Психология науки» (*Maslow, 1966a*), можно высказаться следующим образом.

В свете фактов, подобных вышеописанным, можем ли мы всерьез продолжать определять цели науки как предсказание и управление? Почти каждый мог бы утверждать прямо противоположное — во всяком случае, применительно к человеку. Хотим ли мы сами быть предсказанными или предсказуемыми? Управляемыми и доступными для управления? Я не пойду так далеко, чтобы утверждать, будто вопрос о свободе воли обязательно должен быть привлечен сюда в своей старой и классической философской форме, но утверждаю, что здесь возникают и требуют разрешения вопросы, связанные с субъективным чувством свободы (в противоположность детерминированности), с самостоятельным (а не управляемым извне) выбором и т.д. Во всяком случае, я могу определенно сказать, что психологически здоровые люди не любят, чтобы ими управляли. Они предпочитают чувствовать себя свободными и быть ими.

Еще одно общее следствие рассматриваемого способа мышления заключается в том, что неизбежно трансформируется образ ученого — не только в его собственных глазах, но и в глазах всего населения. Уже имеются данные (*Mead, Metraux, 1957*), говорящие о том, что, например, ученицы средней школы думают об ученых как о чудовищах и боятся их. Школьницы не видят в ученых, скажем, потенциальных хороших мужей. По-моему, это не просто следствие голливудских фильмов о «сумасшедшем ученом»; в этом образе есть нечто реальное и оправданное, хоть и очень преувеличенное. Факт состоит в том, что классической концепции науки соответствует человек управляющий, человек командующий, человек, манипулирующий людьми, животными, вещами. Он хозяин того, что становится объектом его внимания. Эта картина еще яснее применительно к «образу врача». На полусознательном или бессознательном уровне врач обычно воспринимается как хозяин, как управляющий, режущий, избавляющий от боли и т.д. Он определенно является боссом, властью, экспертом, тем, кто командует и говорит людям, что делать. Думаю, что этот образ нынче более всего вредит психологам; студенты колледжей очень часто считают их манипуляторами, лгунами, скрывающими правду и управляющими людьми.

А что если признать, что организм обладает «биологической мудростью»? Если мы научимся больше доверять ему как самостоятельному, самоуправляемому и самостоятельно выбирающему, то, несомненно, как ученые (не говоря уже о врачах, учителях или даже родителях) должны будем сделать свой образ в большей мере даосистским. Это единственное приходящее мне на ум слово, сжато описывающее многие элементы образа более гуманного ученого. Даосистский означает скорее спрашивающий, чем говорящий; не вмешивающийся; не управляющий. Даосистский подход делает упор на невмешивающемся наблюдении, а не на управляющем манипулировании, является созерцательным и пассивным, а не активным и насильственным. Здесь уместно вспомнить поговорку: «Чтобы узнать что-то об утках, лучше послушать их криканье, чем говорить самому». То же касается и рода человеческого: оптимальный метод узнать, что явля-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru